
²⁹ Мамлеев Ю.В. Конец века // Ю. Мамлеев. Черное зеркало. М. 2001. Произведения Ю. Мамлеева цитируются по этому изданию. В скобках указываются страницы.

2.2. ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ (ОБ ИЗМЕНЕНИИ «ЛИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО»)

В первом январском выпуске «Дневника писателя» за 1976 год, размышляя о «молитве великого Гете», точнее – его героя Вертера («Великий Дух, благодарю Тебя за лик человеческий, Тобою данный мне»), Достоевский утверждает, что истинное счастье жизни дарует человеку осознание родства с бесконечностью бытия и «страстная вера» в то, что «он вовсе не атом и не ничто» и что «вся эта бездна таинственных чудес божиих вовсе не выше его мысли, не выше его сознания, не выше идеала красоты, заключенного в душе его, а, стало быть, равна ему <...> и что за все счастье чувствовать эту великую мысль, открывающую ему: кто он? – он обязан лишь *своему лику человеческому*» (22; 6). Поэтому «самоубийца Вертер <...> в последних строках, им оставленных, жалеет, что не увидит более «прекрасного созвездия Большой медведицы», и прощается с ним» (22; 6). Но в «русской природе» происходит «ужасно много странного»: самоубийства «без гамлетовских вопросов», т.е. совершающиеся «по дикой неразвитости», в результате «утраты вполне обеспеченными и образованными представителями молодого поколения всякой живой мысли и даже самого “лика человеческого”» и отсутствия веры в вечность, в «будущую жизнь». Это страшное безверие и разочарованность делает существование человека «безмысленным» (22; 6), провоцирует его самоистреб-

ление, потерю *своего лика человеческого*. Позднее эта же мысль выражена в очерке «Приговор» (ДП), где представлена логика самоубийцы, решившего бросить вызов «безжалостной природе».

Иное проявление неверия и «безмыслия» – по тути просвещенного невежества (людей, верящих в спиритизм) войти в непосредственный контакт с потусторонними силами, вызвать души умерших, – высмеивает Ф.М. Достоевский в том же выпуске «Дневнике писателя». В ответ на утверждение, будто в спиритических сеансах медиумам помогают черти. Достоевский пишет фельетон «Спиритизм. Нечто о чертях. Чрезвычайная хитрость чертей, если это только черти». «Есть одна такая смешная тема, и, главное, она в моде: это черти, тема о чертях, о спиритизме...» (22; 32). Общая ироническая тональность фельетона исключает какой-либо философский мистицизм в настроении Достоевского, считающего спиритизм ничем иным, как проделками чертей: «Ну что, например, если у нас произойдет такое событие: только что ученая комиссия, кончив дело и обличив жалкие фокусы, отвернется, как черти схватят кого-либо из упорнейших членов ее, ну хоть самого г-на Менделеева, обличавшего спиритизм <...> и вдруг разом уловят его в свои сети <...> отведут его в сторонку, подымут его на пять минут на воздух, оматерьялизуют ему знакомых покойников, и все в таком виде, что уже нельзя усумниться, – ну, что тогда произойдет?» (22; 36). Однако размышления о спиритическом сеансе в доме

Аксакова 13 февраля 1876 года, в котором участвовал Достоевский и который произвел на него «сильное впечатление» (22; 127), не только ироничны: писатель делает важные наблюдения, но не мистического, а, скорее, философско-антропологического характера: «... кто захочет уверовать в спиритизм, того ничем не остановишь, ни лекциями, ни даже целыми комиссиями, а неверующего, если он только вполне не желает поверить, – ничем не соблазнишь» (22; 127). Иронически же замечая, что «ужасно много людей, не верующих в Бога, верят, однако же, черту с удовольствием и готовностью» (22; 33), писатель предупреждает, к какой катастрофе может привести такое «безмыслие». Он рисует фантастическую картину «царства чертей», «идея их царства – раздор» (22; 34), вечные усобицы среди людей, доводящие «людей до нелепости, до затмения, извращения ума и чувств» (22; 34), а раздавят они человека наконец «камнями, обращенными в хлебы» (22; 34), т.е. общим благополучием при полной утрате свободы духа, воли и личности, когда исчезнет «человеческий лик» и настанет «скотский образ раба», «образ скотины, с тою разницею, что скотина не знает, что она скотина, а человек узнал бы, что он стал скотиной. И загнило бы человечество; люди покрылись бы язвами и стали кусать языки свои в муках...» (22; 34). Эту же мысль проговаривает в 11 книге романа «Братья Карамазовы» черт в беседе с Иваном.

Комментаторы «Дневника писателя» в Полном собрании сочинений замечают по поводу этой картины: «Рассуждение о “царстве чертей” – другой вариант той картины жизни человеческого общества “без бога”, какую в “Подростке” рисует Версиков в своей “исповеди” (18; 378-379; 17; 334-336, 390). К той же теме в разных ее аспектах Достоевский будет не раз возвращаться по различным поводам: в “Дневнике писателя” за март 1876 (гл.1. парагр. 4 “Мечты о Европе” и гл. 2. парагр. 1 “Дон Карлос и сэр Уаткин. Опять признаки “начала конца””) и за апрель 1877 г. (гл. 2 “Сон смешного человека”), а позднее в “Братьях Карамазовых” (15; 83-84, 505)» (22; 336).

В статьях «Дон Карлос и сэр Уаткин. Опять признаки “начала конца”» и «Слово об отчете ученой комиссии о спиритических явлениях» (22; 91-98; 99-101) Достоевский называет спиритизм одним из признаков «начала конца», «скверной» приметой «чрезвычайно опасного» явления – «обособления» людей: «“Обособление” есть ведь разъединение; я в этом смысле и говорю, что в нашем молодом спиритизме заметны сильные элементы к восполнению и без того уже все сильнее и прогрессивнее идущего разъединения русских людей» (22; 99-100).

Первые же рассказы в цикле Ю. Мамлеева «Конец века» уже представляют собой деконструктивную пародию на очерково-беллетристические сюжеты «Дневника писателя», которые в данном случае, являются, в свете теории деконструкции, «материалом»,

«метафизической формацией» или, по выражению И. Ильина, «референциальным модусом текста».

В открывающем цикл «Конец века» рассказе «Удалой» Ю. Мамлеев использует мотив игры чертей, потери «лика человеческого», чтобы показать общую потребность людей – в данном случае самых заурядных обитателей «черной, с непомерно длинным коридором» (С. 9) коммунальной квартиры – в приобщении к «миру иному», трансцендентному: «Хоть бы хорошее что-то прорвалось к нам сюда» (С. 12). В данном рассказе описывается фантастический случай, аналогичный «чудесам», о которых рассказывали Достоевскому: «пишут мне, например, что молодой человек садится в кресло, поджав ноги, и кресло начинает скакать по комнате, – и это в Петербурге, в столице! <...> Уверяют, что у одной дамы, где-то в губернии, в ее доме столько чертей, что и половины их нет столько даже в хижине дядей Эдди» (22; 32). Американцы братья Эдди были широко известны как медиумы (см. 22; 335).

У Мамлеева в рассказе «Удалой» на глазах оторопелых соседей совершается «ужасно много странного»: чудесные превращения «маленького, юркого человечка» тихого Саши Курьева: «глаза горели мутным огнем <...> исчезает плавное человеческое выражение, горят не только глаза, но и ум. Появляется что-то далекое, призрачно-глухое. И ушки – да, да, ушки быстро шевелятся <...> губа выпятилась, глаз поумнел, но в потустороннем смысле, и волосы на голове –

как-то страшно, на глазах присутствующих – стали медленно расти, разбросанные» (С. 14-15). Он внезапно принимает облик бычка, потом «орангутана», а затем обращается в некое «тихое недоедающее существо» (С. 11). Затем он выглядывает из своей комнаты как «кривоногое существо с козлиным взглядом и в каких-то лесных, корневых лохмотьях» (С. 12). В том, что эти метаморфозы происходят при содействии чертей, не приходится сомневаться, потому что Саша принимает обличья самые характерные при оборотничестве нечистой силы. Создается впечатление, что в Сашу вселился демон: «А ты не черт, Саша? – взвизгнув, спрашивала у него старушка Бычкова и громко отвечала самой же себе: – Не похож, не похож! – и как-то уверенно, словно она – тысячелетия назад, может быть, – только и делала, что перебегала дорогу чертям» (С. 16-17). Кстати, по преданиям о демонах, демон мог принять любой человеческий облик и «любой человек в принципе мог обернуться демоном» (С. 26). К тому же Саша, который «прорастая, все каменел и каменел, и душа его была за миллиарды лет до творения мира», получает способность духов в медиумических сеансах спиритов – проникать в иную реальность, видеть ее присутствие внутри каждого обитателя коммунальной квартиры и вещать о ней: «... вы все на моих глазах изменились. Бычкова Анна Мироновна словно воздушная струя стала. Варвара померла. А вы, Савельич, еще больше стали, только не по нашему. А Таня – та вообще, я ее душу

видел. Малышка Катя умнее всех стала и жуткая...» (С. 14).

Самое любопытное и важное в рассказе, на наш взгляд, состоит в реакции окружающих на Сашины метаморфозы. Сначала всех потряс ужас иного восприятия реальности, но вскоре Саша – «герой пустынных превращений» – заразил всех жаждой «космических галлюцинаций». Дьявольскому наваждению оказались подвержены все, отчего начался маленький шабаш (или «дьяволов водевиль?»), бесовские пляски, в которых участвовал даже сошедший с портрета дед, «наполовину невидимый, но хитрый и не забывший мир и по-потустороннему крякал при этом» (С. 16) с битьем посуды и предметов интерьера. Вольно или невольно люди становятся участниками этого «карнавала нежити», бесовской пляски. Но, устав от внезапной душевной / духовной темноты (а ей соответствует и внешний фон: «Внезапно в комнате потемнело. Черты людей как-то стерлись. Все натыкались друг на друга... натыкаясь на непонятные вещи, словно это уже были не стулья и столы» (С.16)), люди испытали острую потребность света: «Света, света, света! – вдруг закричала мертвая Варвара. – Хочу света! <...> *И внезапно Великий Свет возник в сознании всех находящихся в этой комнате (выделено нами – Р.С.)*» (С. 18). Великий Свет – это, очевидно, свет Бога, Абсолюта¹, свет христианской истины, всеобщей любви, которую в этой компании исповедует Любочка Розова: «А я всех без различия люблю, кого Творец создал,

и всех, кого еще создаст, тоже люблю <...> И всех, всех вас прощу...» (С. 17). Картинки этого дикого карнавала напоминают ситуацию экзорцизма, изгнания бесов, исцеления бесноватых. Великий Свет – символ этого исцеления.

Примечательно, что сам Саша Курьев воспринимает все случившееся с ним не как личное обращение к нечистой силе, а как надличностные импульсы из Вечности, происходящие по воле Бога: «"Я за Творца не ответчик", – громко сказал он» (С. 18). Получается, что нечисть выполняет здесь служебную роль, определенную волею Того, кто дает людям Свет, – напомнить человеку, погрязшему в коммунальной бездуховности о существовании Вечности и о том, что он часть Ее.

Разрушение родственных и общественных связей, «разъединение», «обособление» каждого лица – симптом тревожный, но не тотальный, по мнению автора «Дневника писателя», поместившего в мартовском же номере исполненный теплого юмора художественный эскиз «Столетняя». В «маленькой картинке» Достоевский описывает дряхлую сточетырехлетнюю, но не «утратившую лика человеческого» «почтенную» старушку, которая в последние часы своей жизни спешит к своим близким и родным – любящим ее внучатам. Удивителен портрет старушки, «полной душевной жизни», сохранившей, несмотря на возраст, радость жизни: «... маленькая, чистенькая, лицо бледное, желтое, к костям присохшее, губы бесцветные, –

мумия какая-то, а сидит – улыбается, солнышко прямо на нее светит <...> Глаза тусклые, почти мертвые, а как будто луч какой-то из них светит теплый» (курсив наш – Р.С.) (22; 76). Все живо в ней – чувство юмора, любовь к людям, особенно к внукам, интерес ко всему ее окружающему и т.д. Внезапно умирая («А ведь за минуту смеялась, как веселилась!») в окружении любящих ее родных, задыхаясь, думает только о том, чтобы отдать внуку пяточок, поданный ей «молодой барынькой»: «Вот, думаю... пряничков деткам... пяточок-то». И автор заключает: «... в самой минуте смерти этих столетних стариков и старух заключается как бы нечто умиленное и тихое, как бы нечто даже важное и миротворное: сто лет как-то странно действуют до сих пор на человека. Благослови Бог жизнь и смерть этих простых добрых людей» (22; 79).

Совсем иначе итожится существование «зажившейся» старухи у Мамлеева в рассказе «Прыжок в гроб». Горькой иронией (при внешне бесстрастном, объективном тоне рассказа) проникнуты повествование о самоотвержении старухи, не желающей «заедать чужой век», и описание «полюбовного» согласия в выморочном, «сторбившемся семействе». Катерину Петровну, безнадежно больную, но «никак не умирающую» старушку ее родственники (сестра и двоюродный брат) уговаривают похоронить заживо – «Ты же все равно умрешь скоро <...> Лучше раньше в гроб лечь, чем самой мучиться и нас мучить» (С. 31) –

и она соглашается: «Вам невогону, но и мне невогону на этом свете...» (С. 34).

Рассказ повествует о весьма сомнительном «согласии» между родственниками – «сделка» не обошлась без вмешательства сатаны, недаром в рассказе присутствует слово «осатанелый», а «Екатерине Петровне стало что-то в мире этом казаться. То у сестры Натальи Петровны голова не та, точно ее заменили другой, страшной, то вообще люди на улице пустыми ей видятся, словно надуманными, то <...> брат дедок Василек сидит без ушей. То вдруг голоса из мира пропали, ни звука ниоткуда не раздаётся, будто мир беззвучен и тих, как мышь» (С. 34) – и здесь мотив «чрезвычайной хитрости чертей».

Оксюморонно-метафорическое название рассказа передает абсурдность и парадоксальность ситуации. Страшная история разворачивается в не менее страшное время Кали-юги – «разъединения» и «обособления»: «Время было хмурое, побитое, перестроечное» (С. 27). В жуткой коммунальной квартире «в пригородном городишке близ Москвы»: «В большой комнате, кроме самой старушки, размещалась еще ее сестра, полустарушка, лет на двенадцать моложе Катерины, звали ее Наталья Петровна. Там же проживал и сын Натальи – парень лет двадцати двух, Митя, с лица инфантильный и глупый, но только с лица. Старичок Василий, или, как его во дворе называли, Василек, находился рядом в соседней продолговатой, как все равно гроб (курсив наш – Р.С.) какого-

нибудь гиганта, комнате» (С. 27). Почти в такой же комнате, похожей на гроб, зарождается, «проклевывается, как из яйца цыпленок», «фантастическая» идея Раскольниковова. В мрачной обстановке коммунальной квартиры, которая тоже «душу и ум теснит», умирают самые нежные родственные чувства (Наталья Петровна не понимала, «почему она так любила сестру при жизни и стала почти равнодушна около ее смерти, теперь <...> почему Катя родилась ее сестрой, а не кем-нибудь еще» (С. 29)), а человека одолевают самые невероятные, фантастические мысли. Именно обитателю комнаты, напоминающей гроб, Василию приходит «фантастическая» «идея» «поторопить» смерть больной сестры. При этом у него есть и своя «теоримка» смерти: «А что такое умирать? Просто ее станет нету, и все, но, может, наоборот, нас станет нету, а она будет. Чего думать о смерти-то, если она загадка?» (С. 32). Поэтому Катерина Ивановна не может понять, «куда мне теперь идтить? К живым или к мертвым? К вам или к прадеду?» (С. 39). И прежде, чем принять окончательное решение, «советуется» с «развитым младенцем Никифором». Обменявшись «огненным взглядом» со «светлым корытником», получив его согласие («одобряет»), Екатерина Ивановна уступает родственникам. Он как бы сообщает отчаявшейся старушке, что Там ее ждет Свет.

Никифор, пришедший «не в тот мир, куда хотел», видел такое, «что взрослые не могут увидеть никогда. А если и видели, то навсегда забыли – словно

слизнул кто-то невидимый из памяти» (С. 33) – центральный персонаж в рассказе. Только увидев младенца, прикасаясь к нему, «уходящая в непонятную тишину» Екатерина Ивановна «оживала», ощущала импульсы и присутствие Великого Духа. Символично описание природы (очень редко встречающееся у Ю. Мамлеева), предваряющее Великий Переход Катерины Ивановны: «Стояла осень, уже выпал ранний снег, и на кладбище было одиноко. Дул ветер, и деревья, качаясь, словно прощались с людьми. За деревьями виднелась бесконечная даль – но уже не даль кладбища, а иная, русская, зовущая в отдаленную вечную жизнь» (С. 43).

Подобно Достоевскому, Мамлеев завершает свой рассказ с анекдотическим названием на возвышенной ноте: душа жалкой старушки получает, наконец, сочувственный отклик, но уже после погребения ее, не на земле: «Великий Дух приближался к земле. В своем вихре – в одно из мгновений – он увидел маленькую, влекомую Бездной, никем не замеченную мушку – душу Катерины, и поманил ее. Она пошла на зов» (С. 44).

Таким образом, трагическое «изменение лика человеческого», о котором предупреждал Достоевский (тем не менее не оставляя надежду и на духовное возрождение и Преображение человека) как результате «безмысленного» существования человека «без Бога», у Мамлеева происходит в мире религиозного

отчаяния, трагического разъединения: «земля превратилась в ад...» (Д. Мак Конки).

Примечания

¹ «Бога называют светом не по существу, но по его энергии», – говорит св. Григорий Палама. Против Акиндина // Мистическое богословие. С. 240.